

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>

EDN: NGJZY

В.В. САФРОНОВ¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

КОНТЕКСТНЫЕ МОДЕРАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ НЕРАВЕНСТВ В СТРАНАХ ЕВРОПЫ

Аннотация. Рассматриваются образовательные неравенства участия избирателей в парламентских выборах в странах Европы и России. Эти неравенства, отражая, как свидетельствуют исследования в Западной и Восточной Европе, одни из наиболее отчетливых структурных различий в голосовании, могут заметно отличаться в разных странах, предположительно вследствие особенностей их социально-экономического развития и демократических институтов. С целью проверки этих предположений рассматриваются опросные данные Европейского социального исследования (ESS, Round 9), проведенного в 28 европейских странах, включая Россию (Round 8), а также статистические и аналитические сведения о распространенности коррупции в этих странах, состоянии безработицы и других характеристиках. Статистический анализ осуществляется при помощи двухуровневого логистического моделирования — со случайными коэффициентами для переменных индивидуального уровня и объяснением их различий контекстуальными факторами. Результаты подтверждают, что участие в парламентских выборах тесно связано с образованием избирателей — с его ростом существенно повышается вероятность голосования. Выраженность такой зависимости обусловлена общественным контекстом — электоральная активность образованных

страт начинает снижаться по мере ухудшения работы демократических институтов, зафиксированного показателем распространенности коррупции. При нарастании в стране экономических проблем, о которых свидетельствуют повышенные уровни безработицы, растет вероятность того, что люди с невысоким образованием примут участие в избрании парламента.

Ключевые слова: парламентские выборы, неравенства участия по образованию, общественный контекст, воспринимаемая коррупция, безработица, страны Европы и Россия, Европейское социальное исследование (ESS).

Для цитирования: Сафронов В.В. Контекстные модерации электоральных образовательных неравенств в странах Европы // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 1. С. 40–70. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>. EDN: NGJZJY

Участие в выборах, образование и общественный контекст: состояние исследований

В научной литературе признается, что политическое поведение индивида зависит от полученного им образования — с его повышением растет активность. С. Верба и его коллеги связывают политическое участие с социально-экономическим статусом, полагая, в частности, что образование не только наделяет индивида необходимыми ресурсами — гражданскими навыками и политическими знаниями, но и усиливает его мотивацию участия, формируя интерес к политике и уверенность в возможности на нее повлиять, а также создает условия мобилизации, включая его в сети политически активных граждан [26; 31]. В эту теоретическую модель укладываются и результаты многочисленных исследований электорального участия. Одной из составляющих объяснительной модели индивидуальных детерминант участия в парламентских и президентских выборах, согласно метаанализу релевантных статей (90 работ с 2000 по 2010 г.), действительно является образование (наряду с возрастом, мобильностью, потреблением информации СМИ, мобилизацией, партийной идентификацией, интересом к политике, голосованием на предшествующих выборах и др.) [28].

Согласно авторитетным исследованиям в США, образование и возраст — важнейшие переменные, определяющие вероятность голосования на выборах [34]. В последующем также отмечалось, что основ-

ные различия между американскими избирателями состоят в том, что лучше образованные голосуют чаще, чем менее образованные, обеспеченные — чаще, чем бедные, люди старших возрастов — чаще, чем молодые (активнее также англо-американцы, женщины, неодинокие) [21]. Проверка в Соединенных Штатах соображений о причинах влияния образования на электоральную явку показывает, что это может происходить вследствие усиления у образованных избирателей чувства гражданского долга, уверенности в возможности оказания влияния на политику и особенно благодаря развитию когнитивных способностей и политической осведомленности, приобретению навыков, облегчающих регистрацию [16].

Эти факты подкрепляются анализом данных из других западных демократических стран, свидетельствующем о существовании зависимостей между электоральным участием и образованием (наряду с возрастом и некоторыми другими переменными), которые в определенной мере могут объясняться характерными для более образованных граждан повышенным интересом к политике и чувством гражданского долга [5; 6]. По данным Европейского социального исследования (ESS, 2006 г., 24 страны), вероятность участия в парламентских выборах была ниже среди избирателей с невысоким образованием и в младших возрастных когортах при слабом интересе опрошенных к политике, неверии в открытость политической системы, неудовлетворенности ею и политиками [15]. Изучение неравенств политической активности с использованием материалов Международной программы социальных исследований (опросы ISSP 2004 и 2014 гг. и другие сведения) показывает, что участие в выборах растет вместе с социально-экономическим статусом и возрастом (снижается у самых пожилых), ему способствуют связи индивида с общественными ассоциациями, приверженность гражданскому долгу, уверенность в способности влиять на политику, доверие другим людям [12]. В западных демократиях с различными избирательными системами при разной значимости выборов (регионального, национального или европейского уровней) наблюдаются отчетливые закономерности избирательной активности, которая, нарастая с возрастом и образованием, обусловлена общими мотивационными диспозициями индивида — интересом к политике и чувством гражданского долга, а также его ситуативной обеспокоенностью

результатами выборов и уверенностью, что проголосовать нетрудно [7]. Как отмечается в недавнем обзоре работ, посвященных политическим неравенствам в этих странах, более низкая вероятность участия в голосовании менее образованных, бедных, молодых избирателей (отчетливо проявляющаяся при невысокой общей явке) может вести к недоучету их интересов при принятии политических решений [8].

Зависимости, выявленные при изучении избирателей в западных странах, можно обнаружить и в новых демократиях Центральной, Восточной Европы и России. Электоральное участие в них при заметно более низких показателях явки связано с теми же демографическими, социальными переменными и политическими аттитюдами, что и в странах с укорененными демократическими режимами, хотя и менее отчетливо [2; 4; 10; 18; 22]. Его вероятность заметно увеличивается с образованием, возрастом избирателей (снижается в самых старших категориях), ростом у них интереса к политике, уверенности в открытости политической системы влиянию граждан, доверия политическим институтам и особенно, как мы обнаружили, при наличии партийной идентификации.

Обсуждавшиеся работы опираются на теоретические представления, в которых образование понимается как прямая причина политического поведения, поскольку способствует развитию у индивида необходимых навыков, знаний, интереса к политике и способности на нее воздействовать. Это положение оспаривалось в теориях «социализации» и «относительного образования» [23]. Согласно первой, ключевую роль играют условия социализации: социально-экономический статус семьи (и окружающих), когнитивное развитие в ней и формируемые взгляды на политику, которые определяют получаемое индивидом образование и сами побуждают в последующем к политическому участию. Во втором альтернативном объяснении используется понятие относительного образования — получение хорошего образования способствует повышению социального статуса, предполагающего вхождение в политизированные социальные сети (способствующие политической мобилизации и нормативному давлению) и выступающего непосредственной причиной политической активности, причем такое повышение будет менее выраженным при росте общего образовательного уровня в обществе. Согласно недавней

характеристике социальной демографии избирателей, сохраняются, несмотря на значительные общественные изменения, значительные различия участия в выборах, связанные с образованием, возрастом и этнической принадлежностью (другие ее особенности менее отчетливы), однако их трудно интерпретировать в терминах причины и следствия [24]. В сегодняшней оценке состояния дел также отмечается, что интерпретации зависимости между образованием и политическим участием, о которой свидетельствуют многочисленные исследования, вызывают вопросы [33]. Объяснение причин роста политической активности при повышении образования, пишут эти авторы, представляют три основные теоретические модели: В «стандартной теории» образование считается непосредственной причиной политического участия, поскольку способствует развитию необходимых для этого навыков и знаний. «Теория социализации» представляет образование сложной, долгосрочной, не прямой причиной участия в политике, действующей вследствие трансляции общих представлений об отношениях индивида с обществом, его политических обязательствах и работе правительства. Согласно третьему теоретическому взгляду, образование является «прокси» социально-экономического статуса, который выступает подлинной причиной политической активности, способствуя контактам с политизированным окружением. Как и в предшествующих обзорах, отмечается, что использование в последнее время стратегий причинного вывода приводит к неоднозначным результатам и не дает убедительных подтверждений ни одной из теорий.

Таким образом, в настоящее время признается, что участие в выборах связано с образованием, и это объясняется общепринятой теорией, связывающей его с ресурсами, мотивацией и мобилизацией, хотя выдвигаются и другие интерпретации, увязывающие причины такой зависимости с социализацией и социальным статусом.

В исследованиях также установлено, что кроме индивидуальных различий электорального участия, в том числе по образованию, явка на выборы зависит от общественного контекста. Согласно результатам метаанализа, повышению участия в национальных выборах способствуют социально-экономические переменные, включая явку на предыдущих выборах (привычное поведение), стабильность населения

и меньшее представительство меньшинств (большая социальная связанность и контроль); институциональные переменные — упрощенные регистрационные требования и обязательное голосование (пропорциональная электоральная система — в половине работ); политические особенности избирательной кампании — значительные расходы на ее проведение и высокая конкуренция (но не партийная фрагментация) [9]. В другом метаанализе электорального участия на национальном, региональном и местном уровнях отмечается, что в литературе есть согласие о его росте при обязательном голосовании, большей важности выборов, в маленьких странах, однако сведения о влиянии других факторов, включая тип избирательной системы, число партий, социально-экономическое развитие, выраженность доходных неравенств и остроту партийной конкуренции, остаются неоднозначными [30]. Согласно недавнему исследованию участия в парламентских выборах в странах ОЭСР (*fuzzy-set qualitative comparative analysis*), прежде всего коррупция, а также низкое доверие парламенту, невысокая образованность населения и выраженные доходные неравенства наносят вред демократии, снижая электоральную явку [11].

Индивидуальные переменные, влияющие на избирательную активность, могут с большей силой проявляться в определенных контекстах. В одних работах, не подтверждающих этого предположения, указывается, что индивидуальные зависимости мало отличаются в пропорциональных и других избирательных системах [4]. Сопоставление сложившихся демократий (ISSP 2004, 2014) также обнаружило, что участие в выборах растет с повышением социально-экономического статуса, однако такая закономерность не связана с общественным контекстом — проявляется в унитарных и федеральных государствах, консенсусных и мажоритарных демократиях при разном числе действующих партий и неодинаковых доходных неравенствах [12, с. 158].

В то же время признается, что контекстуальные особенности, такие как близость результатов конкурентов, действительное число партий, мобилизация, способны оказывать влияние на зависимости между электоральным участием и характеристиками избирателей, хотя такие межуровневые интеракции остаются недостаточно изученными [32]. Так, избирательные системы с пропорциональным представительством повышают уверенность сторонников небольших партий, что голосо-

вание способно привести к политическим изменениям, а это в свою очередь побуждает их принять в нем участие [3]. Участие в выборах граждан, уверенных, что их голос имеет значение, повышается в странах с более поляризованными политическими профилями [17]. Сильные экономические неравенства в стране вызывают снижение интереса людей к политике и частоты политических обсуждений, а также сокращение участия в выборах, причем такие изменения наблюдаются почти во всех доходных странах, исключая разве только верхние, чьими интересами направляются политические решения в искаженной демократии [29]. При высокой коррупции классовые неравенства участия в парламентских выборах в странах Европы сокращаются вследствие демобилизации избирателей с более высоким общественным положением, разочаровавшихся в демократической политике [1].

Образовательным неравенствам участия в голосовании во многих странах мира было посвящено специальное всестороннее исследование. Эти неравенства (по опросам Comparative Study of Electoral Systems, CSES, 1996–2009, 36 демократических стран, 85 выборов, 141 408 респондентов, а также по экспериментальным данным), — пишет А. Галлего, автор книги об этом исследовании, — зависят от контекста, с большей отчетливостью проявляясь в одних странах и ситуациях и с меньшей — в других [14]. Согласно результатам двухуровневого моделирования (включающего образование и контрольные переменные на индивидуальном уровне и его интеракции с контекстуальными факторами, характеризующими страны), усиление этих неравенств происходит в контекстах, требующих от избирателей усилий для понимания, как голосовать, что снижает явку менее образованных граждан. Это происходит при сложных правилах регистрации и избирательной процедуры, необходимости учитывать партийные коалиции и недостаточном информировании при преобладании коммерческих массмедиа над общественными. Не подтверждается распространенная точка зрения о мобилизации профсоюзами низко статусных избирателей: хотя с увеличением в стране доли работников, состоящих в профсоюзах, повышается электоральная явка, образовательные неравенства меняются мало — сегодня эти организации охватывают не только рабочие профессии, но и квалифицированных работников в общественных секторах, равно мобилизуя тех

и других на участие в выборах. Неоднозначными оказались результаты проверки предположения об усилении образовательных различий электорального участия с ростом в стране доходных неравенств. Исследование свидетельствует также, что неравенства участия в выборах могут влиять на то, кто окажется избранным, какую политику будет проводить правительство и как оно будет распределять общественные ресурсы, искажая все это по сравнению с ситуацией, когда в голосовании участвуют все и правительство восприимчиво к интересам каждого гражданина.

Таким образом, согласно достигнутому состоянию исследований, образование считается важной характеристикой, определяющей неравенства участия избирателей в выборах, хотя объяснение этой зависимости может строиться на различных теоретических основаниях. Преобладающее понимание связывает получение образования с накоплением ресурсов, формированием мотивации участия и социальных мобилизационных связей. Анализ на экологическом уровне позволил вычленировать ряд факторов общественного контекста, способствующих повышению явки на выборы в одних странах по сравнению с другими. Некоторые из них рассматривались при многоуровневом моделировании, в котором предполагалось обнаружить общественные условия, способствующие усилению или, напротив, ослаблению неравенств электорального участия по образованию. Однако исследования контекстуальной обусловленности таких неравенств остаются единичными, и их выводы нуждаются в дополнительной проверке. Настоящая работа продолжает изыскания в этом направлении.

Проблема, задачи и методология исследования

Предпринятое исследование посвящено проблеме выраженности электоральных неравенств, обусловленных образованием, в странах Западной, Центральной, Восточной Европы и России. Согласно надежно установленной закономерности, образование является одной из ключевых переменных, объясняющих участие избирателей в выборах — его вероятность заметно увеличивается при повышении образовательного уровня. Хотя это — общая для многих стран зависимость, она проявляется в одних из них с большей отчетливостью, чем

в других. При рассмотрении ряда свободных демократий в мире отмечалось, что меньшая склонность к электоральному участию людей с невысоким образованием может усугубляться вследствие контекстуальных особенностей политических институтов, затрудняющих понимание избирателями, как и за кого голосовать. Среди этих особенностей — сложные правила регистрации и избирательной процедуры, необходимость учитывать партийные коалиции, недостаточное информирование избирателей при доминировании коммерческих массмедиа. Однако в Европе структурирование образовательных неравенств может оказаться связанным и с иными факторами общественного контекста. Различия явки здесь отражает разделение на стабильные западные демократии и новые, складывающиеся в посткоммунистических странах, причем в последних эти неравенства, как показывают некоторые исследования, могут оказаться менее выраженными, чем на Западе.

В связи с этим в настоящей работе ставились следующие задачи. Во-первых, убедиться, что в Западных и Восточных европейских демократиях и в нашей стране образование действительно позволяет объяснить, почему одни люди ходят на выборы, а другие в них не участвуют. Во-вторых, выяснить, насколько отчетливо во всех этих странах различаются электоральные неравенства по образованию. В-третьих, и это главное, попытаться объяснить межстрановые отличия во влиянии образования на участие в выборах, учитывая контекстуальные факторы состояния экономики и доходных неравенств, развития социального государства, а также устройства и работы демократических институтов.

Можно предположить, что в экономически менее развитых странах, где избиратели с невысоким социально-экономическим статусом, в частности низким образованием, с особой остротой испытывают недостаток ресурсов, необходимых для включения в электоральный процесс, образовательные неравенства участия в выборах будут проявляться с большей отчетливостью, чем богатых странах, вследствие особенно низкой электоральной активности малообразованных людей. Как отмечалось в обзоре, высокие доходные неравенства в стране также способны влиять на социальное структурирование участников выборов — многие граждане, не считая разве только самых обеспе-

ченных и образованных, не видят смысла в избрании политиков, не занимающихся отстаиванием их интересов, вследствие чего увеличивается разрыв между пассивными и голосующими гражданами. Кроме того, демобилизации низко статусного электората будет, возможно, способствовать заметное ухудшение в некоторых странах Европы экономической ситуации, отражающееся на повышении показателей уровня безработицы. Однако высокая безработица может способствовать и мобилизации избирателей, в том числе и тех, кто, имея невысокое образование, в иных условиях на выборы бы не пошел. Именно на них в значительной степени сказываются проблемы, связанные с сокращением рабочих мест, и для них приобретают особую значимость принимаемые властями решения. В этом случае ожидаемое последствие — сокращение электоральных образовательных неравенств.

Другое соображение о контекстуальной обусловленности электоральных образовательных неравенств связывает их с развитием социального государства. Социально-демократические режимы обеспечения социальных гарантий, представленные в Скандинавских странах, способны мотивировать к участию в парламентских выборах граждан с невысоким общественным положением и образованием в силу их заинтересованности в продолжении политики, нацеленной на защиту уязвимых общественных слоев. Поэтому при сильном социальном государстве образовательные неравенства, скорее всего, будут меньшими, чем в странах, располагающих ограниченными бюджетными ресурсами для социальных программ.

Еще ряд предположений относится к устройству и работе демократических институтов. Электоральные неравенства могут усиливаться там, где наблюдается демобилизация избирателей с невысоким образованием из-за сложностей многопартийной и коалиционной политики, которую им трудно понять. Напротив, эти неравенства окажутся, по-видимому, менее выраженными при предопределенности результатов выборов, когда одна из партий имеет поддержку преобладающего большинства. В этом случае от участия будут устраняться более образованные слои, которые вовлекаются в политическую борьбу при увеличении важности каждого голоса в условиях острой партийной конкуренции. Неудовлетворительная в глазах общественности

работа демократических институтов также способна привести к распространению электорального абсентеизма среди наиболее активного электората, обладающего образовательными ресурсами. Такой эффект может возникать при утрате парламентом общественного доверия, неудовлетворенности граждан тем, как работает в стране демократия, или их уверенности в широком распространении коррупции.

При решении поставленных задач и проверке выдвинутых предположений анализировались репрезентативные опросные данные Европейского социального исследования (European Social Survey, см.: <https://www.europeansocialsurvey.org/>, дата обращения: 04.04.2024) для 28 стран (ESS, Round 9, 2018, а для России — ESS, Round 8, 2017), а также статистические и аналитические сведения о состоянии экономики, социального государства и политических институтов этих стран.

В ходе интервью респондентам предлагалось ответить на следующий вопрос анкеты: «Некоторые люди по разным причинам не принимают участие в выборах. Скажите, пожалуйста, вы голосовали на последних выборах в [парламент страны, нижнюю палату, дата проведения]? 1). Да, 2). Нет, 3) Не имел(а) права голосовать» (не имевших этого права насчитывалось в общем массиве около 8 %, поскольку в выборки включались респонденты начиная с 15-летнего возраста, хотя в отдельных странах это значение было несколько выше, например, в Латвии и Франции — по 11 %, Бельгии — 13 %, Эстонии — 14 %, а в Швейцарии оно достигало даже 25 %). Зависимая переменная в настоящей работе представлена дихотомией, разделяющей опрошенных на тех, кто голосовал на выборах (значение «1»), и людей, имевших право голоса, но в них не участвовавших (значение «0»). Поскольку опросные данные, как правило, преувеличивают явку на выборы и могут недооценивать социально-экономические различия, связанные с участием в них (см., например: [13; 20; 27]), они взвешивались так, чтобы в каждой стране показатель электорального участия соответствовал официальной статистике. Значения этого показателя представлены на рисунке 1.

Рисунок 1 подтверждает известные факты, свидетельствуя, что во многих посткоммунистических странах явка была существенно ниже, чем в Западных демократиях [18], лишь немногим превышая пятидесятипроцентную отметку, а в некоторых странах, включая Рос-

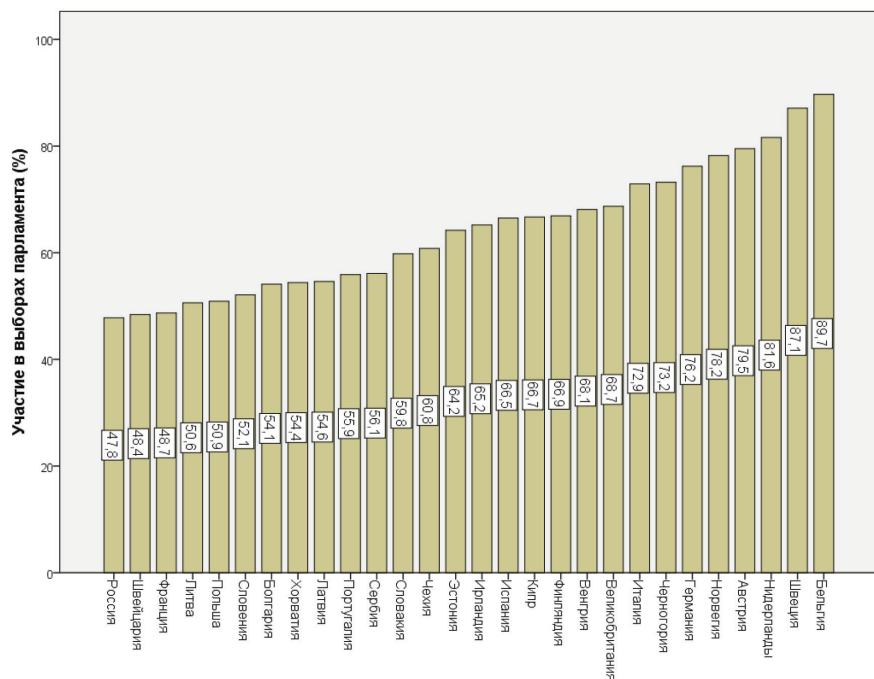

Рис. 1. (Fig. 1). Участие в выборах парламента в странах Европы (официальная статистика)

Примечание. Явка на последние парламентские выборы перед ESS опросом (Round 9, Россия — Round 8).

Participation in parliamentary elections in European countries (official statistics)

Note. Turnout for the last parliamentary elections before the ESS poll (Round 9, Russia — Round 8).

сию, не достигая ее. Снижение электоральной активности в Восточной и Центральной Европе отражало рост неудовлетворенности в обществе демократической политикой — новым режимам было трудно справиться с обострившимися в ходе транзита общественными проблемами (в нашей стране распространению абсентеизма способствовали также институциональные изменения электоральной системы, проведенные властями в годы перед выборами 2016 г.). Низкий уровень участия встречается и в некоторых сложившихся демократиях, Франции и Швейцарии вследствие особенностей их электоральных систем

(мажоритарной в первой, которая сужает возможности влияния избирателя на результаты, способствуя демобилизации, и во второй — в силу значительного воздействия на политику референдумов, снижающих значимость парламента).

Неравенства участия в выборах измерялись с помощью переменной, фиксирующей уровень образования опрошенных. В Европейском социальном исследовании используется разработанный в опоре на Международную стандартную классификацию образования (ISCED) и сопоставимый для разных стран показатель образовательных уровней, учитывающий семь градаций (ES-ISCED, см.: https://www.europeansocialsurvey.org/sites/default/files/2023-06/ESS_guidelines_for_the_measurement_of_educational_a.pdf, дата обращения: 04.04.2024): 1. ES-ISCED I, less than lower secondary; 2. ES-ISCED II, lower secondary; 3. ES-ISCED IIIb, lower tier upper secondary; 4. ES-ISCED IIIa, upper tier upper secondary; 5. ES-ISCED IV, advanced vocational, sub-degree; 6. ES-ISCED V1, lower tertiary education, BA level; 7. ES-ISCED V2, higher tertiary education, $\geq$ MA level). В представленном анализе рассматривалась укрупненная переменная образования, разделенная на четыре уровня, которые обозначаются нами следующим образом: 1) не выше неполного среднего (категории 1 и 2 ES-ISCED); 2) среднее (категории 3 и 4); 3) среднее профессиональное (категория 5) и 4) высшее (категории 6 и 7). Кроме того, респондентов спрашивали о суммарном числе лет, посвященных ими получению образования в формальных учреждениях (школе, колледже, институте или университете, аспирантуре и т.п.). Такие оценки составляют другую, континуальную шкалу образования, которая также использовалась нами при проверке предположений.

Влияние образования на участие в выборах анализировалось при контроле основных индивидуальных переменных, определяющих, кто на них голосует и кто нет, — пола, возраста, измеренного в годах, и квадрата возраста (для улавливания криволинейной зависимости — роста вероятности участия с возрастом и последующего спада среди самых пожилых), а также места жительства (село, небольшой город, крупный город).

Электоральные неравенства по образованию сравнивались при значениях ряда контекстуальных факторов, характеризующих экономику,

социальное государство и демократические институты изучавшихся стран в годы проведения в них парламентских выборов, об участии в которых сообщали в опросах респонденты. Экономические показатели (по данным World Bank, World Development Indicators, см.: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators>, дата обращения: 04.04.2024) включают Валовой внутренний продукт на душу населения (GDP per capita, constant \$, PPP), свидетельствующий об экономическом развитии страны, а также Джини коэффициент доходных неравенств (GINI) и долю безработных (Unemployment, % of total labor force). Различия в социальной политике оценивались по показателю государственных расходов на социальную защиту — в долларовом исчислении на душу населения (рассчитаны по значениям душевого ВВП и государственных расходов на социальную защиту, которые, по сведениям International Labor Organization, даются в процентах от ВВП (Public social protection expenditure, % GDP, см. [35, table B.16]).

Для характеристики политических институтов использовались несколько индикаторов. Среди них — агрегированные оценки удовлетворенности опрошенных демократией в стране (среднее значение оценок по 11-балльной шкале, полученных в ответах на вопрос: «Если говорить в целом, насколько вы удовлетворены тем, как работает демократия в [страна]? <...> «0» — совершенно не удовлетворен, «10» — полностью удовлетворен) и доверия парламенту страны (среднее значение, 11-балльная шкала, «Скажите, пожалуйста, насколько Вы лично доверяете разным группам людей или организациям, которые я буду Вам называть? Для ответа используйте шкалу от 0 до 10, представленную на этой карточке. «0» означает, что Вы совершенно не доверяете этой группе людей или организации, а «10» — что Вы им полностью доверяете <...> [Парламент страны]»). Кроме того, рассматривались различия политических систем по числу реально действующих партий (effective number of parties, о его расчете см. [19]) и отрыву партии, имеющей наибольшую поддержку, от следующей (разница долей избирателей за ту и другую).

Схема анализа влияния на участие в выборах переменных индивидуального уровня и контекстуальных факторов представлена на рисунке 2. Предполагается, что при контроле социальной демографии, связанной с электоральным поведением (пола, возраста, с учетом

и криволинейной зависимости, места жительства), повышение образования опрошенных способствует росту вероятности их участия в голосовании. Такое влияние может различаться в изучавшихся европейских странах, отражая особенности общественного контекста — состояние экономики, развитие социального государства или работу демократических институтов. Контекстуальные факторы выступают модераторами зависимости между образованием и участием в голосовании.

Статистический анализ зависимостей между представленными на схеме переменными проводился с помощью двухуровневого логистического моделирования (программный пакет HLM, см. [25, Ch. 10]) — строились модели со случайными коэффициентами для переменных индивидуального уровня и объяснением различий между ними контекстуальными факторами.

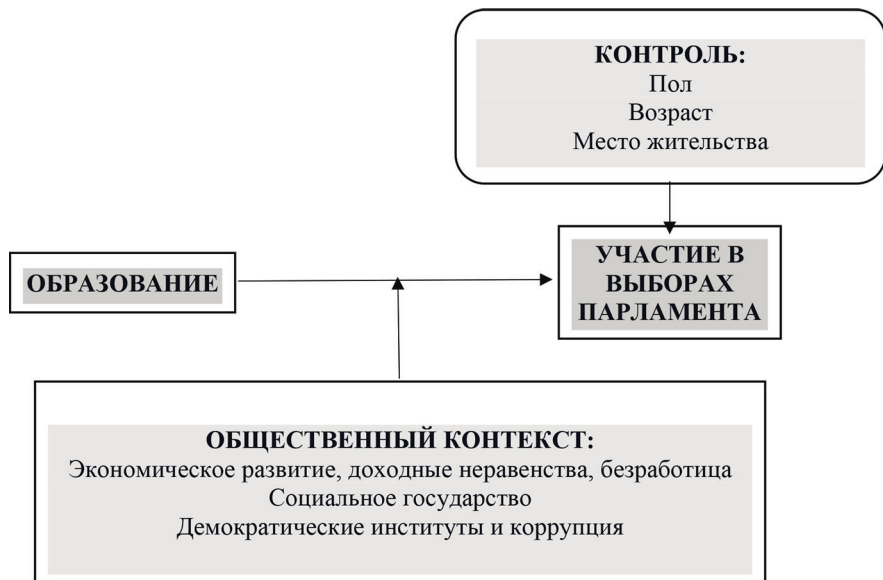

Рис. 2. (Fig. 2). Схема анализа образовательных неравенств
электорального участия в странах Европы
*Scheme for the analysis of educational inequalities
of electoral participation in European countries*

Шкалы независимых индивидуальных переменных были преобразованы — их значения стали располагаться в диапазоне между 0 и 1, вследствие чего приводимые коэффициенты свидетельствуют об изменении эффекта при переходе от наименьшего к самому большому шкальному значению. Факторы контекста представлены центрированными относительно средних значений переменными, измеренными в стандартных отклонениях. Для устранения ошибок в национальных выборках опросные данные взвешивались переменной «post-stratification weight (pspwght)» (о взвешивании данных в ESS см.: <https://www.europeansocialsurvey.org/methodology/ess-methodology/data-processing-and-archiving/weighting>, дата обращения: 04.04.2024).

Электоральные образовательные неравенства в странах Европы

Двухуровневое логистическое моделирование, в котором участие граждан в избрании парламентов европейских стран анализировалось в зависимости от переменных социальной демографии с учетом межстрановых различий их влияния, приводит к результатам, представленным в таблице 1.

Как показывают фиксированные коэффициенты, электоральная активность значительно повышается с возрастом, снижаясь затем среди самых пожилых, слабо связана с половой дифференциацией, выше среди сельских жителей по сравнению с избирателями из городов, особенно крупных. Образование — очень важная переменная, объясняющая, почему одни граждане ходят на выборы, а другие нет. Вероятность участия избирателя в выборах парламента линейно возрастает с увеличением показателя, фиксирующего число лет, в течение которых опрошенные посещали формальные учебные заведения.

В нижней части таблицы 1, характеризующей случайные коэффициенты, для интересующего нас показателя образовательных различий приводится значение дисперсии, позволяющее оценить, насколько влияние образования на участие в голосовании было сходным в разных странах или, наоборот, отличалось. Эта дисперсия оказалась статистически значимой на высоком уровне, свидетельствуя, что образовательные неравенства в европейских демократиях заметно варьируют от страны к стране.

Таблица 1 (Table 1)

**Участие в парламентских выборах:
образовательные неравенства и их различия в странах Европы**

*Participation in parliamentary elections:
educational inequalities and their differences in European countries*

Независимые переменные индивидуального уровня	Модель 0
	Без фактора контекста
Константа	0.86***
ОБРАЗОВАНИЕ (лет)	2.70***
Пол (М)	0.03
Возраст (лет)	5.12***
Возраст в квадрате	-3.00***
Место жительства:	
Крупный город	-0.18**
Небольшой город	-0.12**
Село (референтная)	
Случайные коэффициенты	Дисперсия
Образование	1.44***

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. Двухуровневое моделирование со случайными коэффициентами (для контрольных переменных не приводятся). Уровни значимости: ***0.001, **0.01.

Note: European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. Two-level random coefficients modeling (not shown for control variables). Significance levels: ***0.001, **0.01.

Как же объяснить эти отличия между странами? Нам предстоит теперь проанализировать их контекстуальную обусловленность, учитывая в статистических моделях факторы, характеризующие социально-экономические и политические особенности изучавшихся стран.

**Модерация электоральных образовательных неравенств
социально-экономическими контекстуальными факторами**

При дальнейшем двухуровневом моделировании, объясняющем участие избирателей в парламентских выборах, к индивидуальным переменным социальной демографии добавлялись один из контекстуальных экономических факторов или показатель различия между

странами по расходам на социальную защиту, а также интеракция между переменной образования и контекстуальным фактором. В таблице 2 можно познакомиться с результатами этого анализа — в ней представлены только логистические коэффициенты, относящиеся к влиянию контекста и зависимости от контекста образовательных эффектов (коэффициенты для всех переменных социальной демографии фактически не меняются, оставаясь теми же, что в таблице 1, и поэтому не приводятся).

Как показывают модели 1, 2 и 4, с повышением уровня экономического развития (душевого ВВП), при снижении доходных неравенств в обществе (Джини) и больших государственных расходах на социальную защиту, а все это отличает Западную Европу от Восточной и Центральной, наблюдается увеличение явки избирателей на парламентские выборы. Однако ни один из этих контекстуальных факторов не проясняет, почему в одних странах электоральная образовательная стратификация выражена с большей отчетливостью, чем в других, — интеракции образования и соответствующего контекстуального фактора оказались статистически незначимыми.

Таблица 2 (Table 2)

Контекстное воздействие экономики и государственной социальной защиты на связь образования с участием в выборах парламента

Contextual impact of the economy and state social protection on the relationship between education and participation in parliamentary elections

Воздействие контекста	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4
	ВВП на душу	Джини	Безработица	Расходы на соц. защиту
Фактор контекста	0.37**	-0.25*	-0.08	0.47***
Образование x Фактор контекста	0.20	-0.13	-0.51**	0.29
Случайные коэффициенты			% Exp.	
Образование			31	

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайного коэффициента при учете фактора контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. % Exp. — share of explained variance of random coefficient taking into account the context factor. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Только модель 3, в которой страны различаются по остроте текущих экономических проблем, зафиксированных показателем доли безработных, позволяет получить статистически обоснованное подтверждение интерактивного эффекта. С ростом безработицы в стране образовательные неравенства электоральной активности становятся менее выраженными (этот контекстуальный фактор объясняет заметную долю дисперсии, говорящей о различиях в изучавшихся странах влияния образования на участие в выборах, — 31 %).

Политический контекст образовательных неравенств участия в парламентских выборах

Продолжение поиска контекстуальных различий между странами, способных прояснить неодинаковую выраженность образовательной дифференциации избирательной активности, было связано с прояснением роли политического контекста. Он учитывался в пяти моделях, охарактеризованных в таблице 3.

Три из этих моделей (5, 6 и 8) не подтверждают наших предположений о зависимости электорального структурирования по образованию от партийного многообразия (реального числа партий), остроты конкуренции между партиями (отрыв в голосах первой партии от второй) и отношения к действующей демократической системе (удовлетворенности общественности работой демократии в стране). Интеракции этих факторов с переменной образования были весьма скромными по величине и не достигали общепринятых критериев статистической значимости.

В модели 7 принимались во внимание отличия между странами по показателю распространенности в обществе доверия парламенту. Как показывают фиксированные коэффициенты, с ростом доверия повышается явка и усиливаются образовательные неравенства. Сходные зависимости обнаруживаются и при включении в уравнение фактора контроля коррупции, как это сделано в модели 9. По мере снижения показателя воспринимаемой коррупции происходит повышение явки и увеличение образовательных различий участия в голосовании. Причем, как будет показано ниже, именно этот фактор распространенности коррупции оказывается более важным, чем доверие парламенту, если учитывать при моделировании их совместные эффекты.

Таблица 3 (Table 3)

**Политический контекст и выраженность
электоральных образовательных неравенств**

Political context and the severity of electoral educational inequalities

Воздействие контекста	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9
	Реальное число партий	Отрыв 1-ой от 2-ой партии	Доверяют парла- менту	Довольны работой демократии	Контроль корруп- ции
Фактор контекста	0.07	-0.15	0.47***	0.40**	0.50***
Образование x Фактор контекста	-0.17	-0.26	0.43*	0.30	0.44**
Случайные коэффициенты			% Exp.		% Exp.
Образование			22		19

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44160. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайных коэффициентов в модели 1 при учете фактора контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44160. % Exp. — share of explained variance of random coefficients in model 1 taking into account the context factor. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Таким образом, контекстными модераторами образовательных электоральных неравенств с достаточной определенностью выступают различия по безработице и распространенности коррупции. Позиции рассматривавшихся стран по этим характеристикам иллюстрирует рисунок 3.

Индекс воспринимаемой коррупции, измеренный по стобалльной шкале от высокого значения до низкого и приведенный на оси ординат, свидетельствует о заметных отличиях посткоммунистических стран, многие из которых получили оценки ниже середины шкалы или немногим выше нее, от Западных демократий, успешнее контролирующих коррупционные практики. Самое низкое значение этого индекса, свидетельствующее о широком распространении коррупции, относится к нашей стране, заметно отделяя ее даже от других стран Восточной

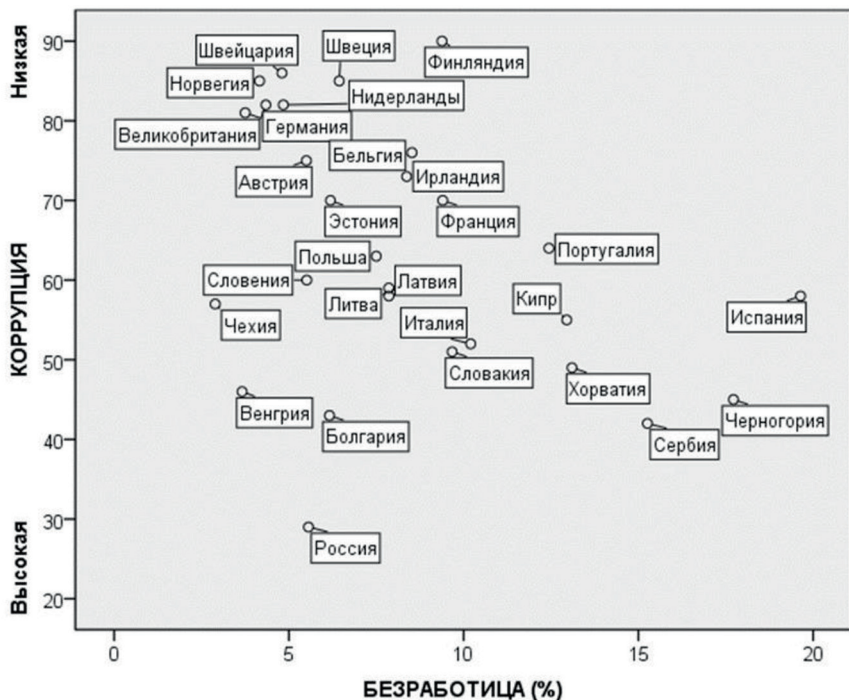

Рис. 3. (Fig. 3). Распространенность коррупции и безработицы в странах Европы

The prevalence of corruption and unemployment in European countries

и Центральной Европы, не говоря уже о сложившихся западных демократиях — Скандинавских странах, Швейцарии, Германии, Нидерландах или Великобритании. По оси абсцисс на рисунке 3 отложены значения показателя безработицы. Россия схожа со многими европейскими экономиками, в которых этот показатель был не очень высоким и колебался около пятипроцентной отметки. Высокой безработица была в ряде стран, испытывающих экономические трудности, среди которых и посткоммунистические государства — Сербия, Черногория, Хорватия и Словакия, и страны европейского юга и средиземноморья — Испания, Португалия, Кипр и Франция, Италия, но и Финляндия с Ирландией.

**Основные контекстные модераторы
 электоральных неравенств по образованию**

Результаты двухуровневого моделирования, при котором анализировались все три описанные контекстуальные факторы, объясняющие неодинаковую выраженность в европейских странах образовательных различий участия в голосовании, приводятся в таблице 4.

Таблица 4 (Table 4)

**Воздействие контекста на электоральные
 образовательные неравенства**

The impact of context on electoral educational inequalities

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		Модель 10	Модель 11
Уровень 1 (индивиды)			
Константа		1.52***	1.52***
ОБРАЗОВАНИЕ:			
Не выше неполного среднего		-1.35***	-1.35***
Среднее		-0.76***	-0.76***
Среднее профессиональное		-0.43***	-0.43***
Высшее (референтная категория)			
Пол (М)		0.04	0.04
Возраст (лет)		4.97***	4.98***
Возраст в квадрате		-2.99***	-2.99***
Место жительства:			
Крупный город		-0.19**	-0.19**
Небольшой город		-0.12**	-0.12**
Село (референтная категория)			
Уровень 2 (страны)			
Безработица			0.04
Доверие парламенту			0.19
Контроль коррупции			0.60***
Интеракции уровней 1 и 2			
Безработица	X	Не выше неполного среднего	0.19***
		Среднее	0.11*
		Среднее профессиональное	0.11*
Доверие парламенту	X	Не выше неполного среднего	0.10
		Среднее	0.09
		Среднее профессиональное	0.07

Окончание табл. 4

НЕЗАВИСИМЫЕ ПЕРЕМЕННЫЕ		Модель 10	Модель 11
Контроль коррупции	X		-0.40***
	Не выше неполного среднего		-0.24**
	Среднее		-0.20***
Среднее профессиональное			
СЛУЧАЙНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ		Дисперсия	% Exp.
Не выше неполного среднего		0.311***	56
Среднее		0.144***	48
Среднее профессиональное		0.107***	64

Примечание. European Social Survey, Round 9 (Россия — Round 8), 28 стран, N=44739. % Exp. — доля объясненной дисперсии случайных коэффициентов (для контрольных переменных не приводятся) при учете факторов контекста. Уровни значимости: ***0.001, **0.01, *0.05.

Note. European Social Survey, Round 9 (Russia — Round 8), 28 countries, N=44739. % Exp. — share of explained variance of random coefficients (not given for control variables) taking into account context factors. Significance levels: ***0.001, **0.01, *0.05.

Образование теперь было измерено в четырех категориях, что позволяет на графиках проследить, какие избиратели подвержены электоральной мобилизации или демобилизации при изменении общественного контекста.

Модель 10 подкрепляет описанные выше зависимости о повышении вероятности участия в выборах с возрастом (и снижении среди самых пожилых), на селе по сравнению с городами, а также о существенных отличиях между более и менее образованными избирателями — чаще других ходят голосовать люди с высшим образованием, и с понижением образовательного уровня происходит последовательный спад электорального участия. Дисперсии случайных коэффициентов для дихотомических признаков образования (dummy variables), оказавшиеся статистически значимыми на высоком уровне ($p < 0.001$), еще раз подтверждают, что электоральные образовательные неравенства в разных европейских странах проявляются с неодинаковой отчетливостью.

Различия этих коэффициентов объясняются в модели 11, дополняющей десятую модель тремя факторами контекста и их интеракция-ми с образовательными дихотомиями. Оказалось, что существенные

контексты электоральных образовательных неравенств связаны с различиями стран по уровню безработицы и распространенности коррупции, а роль доверия парламенту становится несущественной вследствие тесных корреляций с индексом коррупции (эти два фактора позволяют объяснить немалые доли дисперсий образовательных воздействий на участие в голосовании: 56, 48 и 64 % для различий респондентов с высшим образованием и соответственно образованием не выше неполного среднего, средним и средним профессиональным). Полученные в этой модели зависимости отражены на рисунках 4 и 5.

В западных демократиях с невысокой коррупцией, как видно на рисунке 4, явка на парламентские выборы была существенно выше, чем в странах посткоммунистической Европы, отличающихся большей распространенностью коррупционных практик. В этих демократиях

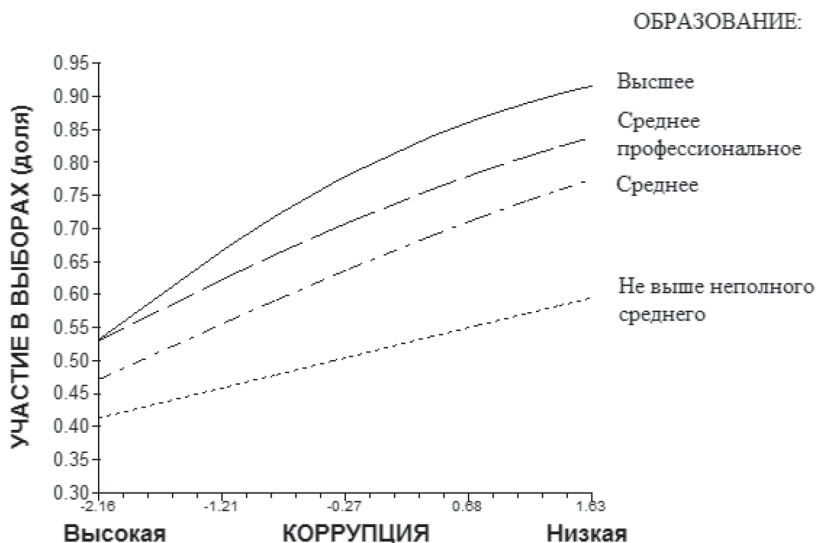

Рис. 4. (Fig. 4). Влияние коррупции на электоральные образовательные неравенства

Примечание. Рисунок построен по модели 11 (таблица 4).

The Impact of Corruption on Electoral Educational Inequalities

Note: The figure is based on Model 11 (Table 4).

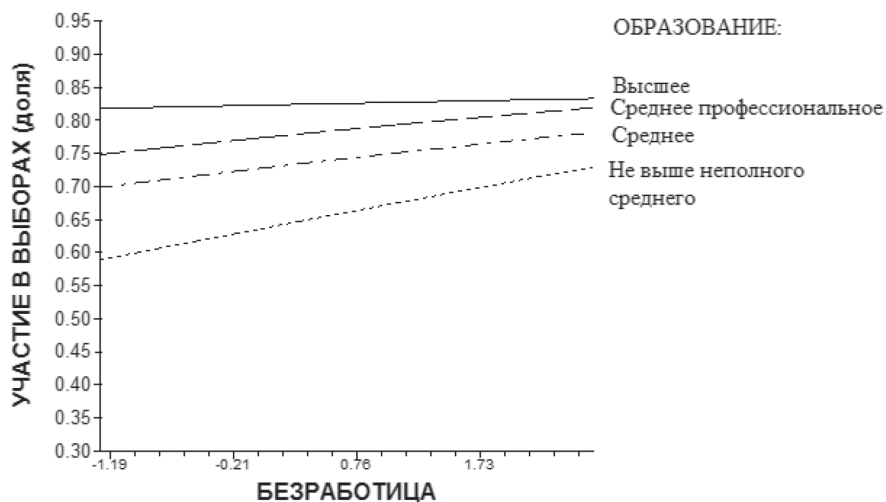

Рис. 5. (Fig. 5). Безработица и электоральные неравенства по образованию
Примечание. Рисунок построен по модели 11 (таблица 4).

Unemployment and Electoral Inequalities by Education
Note: The figure is based on Model 11 (Table 4).

особенно высоким был уровень участия самых образованных избирателей, и с понижением образования участие становится все более низким. Вследствие этого образовательные неравенства на Западе оказываются выраженными с полной определенностью. По мере все большей распространенности коррупции наблюдаются общее снижение явки и сокращение образовательных неравенств, которое происходит в посткоммунистических странах за счет демобилизации более образованных общественных сегментов.

Рисунок 5 представляет зависимость изучавшихся неравенств от контекстуального фактора безработицы. С повышением доли безработных электоральная активность образованных избирателей меняется мало, однако менее образованные люди все сильнее вовлекаются в электоральный процесс. Вследствие этого при высокой безработице образовательные различия становятся меньшими, чем в странах с низким ее уровнем, где неравенства оказываются наиболее отчетливыми.

Заключение

Многочисленные исследования электорального участия продемонстрировали, что в Западных демократиях оно достаточно тесно связано с социальной структурой, особенно — выделяемой по признаку образования. С повышением уровня образования избирателя существенно увеличивается вероятность его участия в выборах властных институтов. Эта зависимость является общей для многих демократических систем, однако, если в одних странах она проступает с полной определенностью, то в других оказывается менее отчетливо выраженной. Несклонность к участию в выборах людей с невысоким образованием может усугубляться при определенной конфигурации политических и электоральных институтов, затрудняющей понимание избирателями электорального процесса.

В Европе явка на парламентские выборы была заметно большей в сложившихся демократиях по сравнению с новыми, появившимися в посткоммунистических странах, как более заметным в первых было и структурирование электорального участия по образованию. Такие различия электоральных неравенств остаются недостаточно изученными, и проблема их объяснения заслуживает дальнейших исследований.

В настоящей работе, посвященной прояснению этой проблемы, рассматриваются образовательные различия участия в парламентских выборах, зафиксированные в опросах Европейского социального исследования (ESS, Round 9, Россия — Round 8) в двадцати восьми странах. Предпринимается попытка объяснить эти различия с помощью двухуровневого логистического моделирования, учитывающего воздействие на них экономического, социального и политического контекстов, характеризующих участвующие в опросах страны.

Результаты подтверждают надежно установленный факт о зависимости электоральной активности от образования и свидетельствуют, что образовательные неравенства участия в парламентских выборах существенно отличаются в одних европейских странах по сравнению с другими. Проверка предположений о связи этих неравенств с общественным контекстом ставит под сомнение соображения об их обусловленности макроэкономическими и социальными факторами (душевым ВВП, Джини, расходами государства на социальную защиту).

В то же время установлено, что проблемы в экономике, сопровождающиеся ростом числа безработных, мобилизуют на голосование избирателей с невысоким образованием, вследствие чего при высокой безработице образовательные электоральные неравенства оказываются менее выраженными, чем при низкой. Моделирование, направленное на изучение роли политического контекста, продемонстрировало, что на формирование образовательных неравенств участия в выборах не влияют сколько-нибудь заметно такие контекстуальные особенности, как многопартийность, острота межпартийной конкуренции или отношение общественного мнения к работе демократии в стране. В то же время важную роль в объяснении таких неравенств играет индекс воспринимаемой коррупции. В стабильных европейских демократиях, которым удается в определенной мере контролировать коррупцию, избиратели с высоким образованием заметно чаще принимают участие в выборах парламентов, чем те, у кого оно было низким. В посткоммунистических странах, особенно в России, широкое распространение коррупции вызывает демобилизацию людей с высоким образованием, которые теряют веру в то, что имеет смысл голосовать и демократия сработает.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сафронов Вячеслав Владимирович — Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия, старший научный сотрудник.
Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** vsafronov@list.ru.

Research Article

VIACHESLAV V. SAFRONOV¹

¹ The Sociological Institute of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

CONTEXTUAL MODERATIONS OF ELECTORAL EDUCATIONAL INEQUALITIES IN EUROPEAN COUNTRIES

Abstract. This paper examines educational inequalities of voter participation in parliamentary elections in Europe and Russia. These inequalities, reflecting, as research in Western and Eastern Europe suggests, some of the most pronounced structural differences in voting, may differ markedly across countries, presumably due to their socio-economic development and the state of democratic institutions. In order to test

these assumptions, we consider survey data from the European Social Survey (ESS, Round 9) conducted in 28 European countries, including Russia (Round 8), as well as statistical and analytical data on the prevalence of corruption in these countries, the state of unemployment and other characteristics. Statistical analysis is performed using two-level logistic modeling with random coefficients for individual-level variables and explanation of their differences by contextual factors. The results confirm that participation in parliamentary elections is closely related to the education of voters — with its growth the probability of voting increases significantly. This correlation is conditioned by the social context — the electoral activity of educated strata begins to decline as the quality of democratic institutions indicated by corruption perception deteriorates. As the country faces growing economic problems, evidenced by higher unemployment rates, people with low education are more likely to participate in the election of the parliament.

Keywords: parliamentary elections, inequalities of participation by education, social context, perceived corruption, unemployment, European countries and Russia, European Social Survey (ESS).

For citation: Safronov V.V. Contextual moderations of electoral educational inequalities in European countries. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 1. P. 40–70. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.1.2>.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viacheslav V. Safronov — The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Senior researcher. **Phone:** +7 (812) 316–3436. **E-mail:** vsafonov@list.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Сафронов В.В. Коррупция и электоральные классовые неравенства в европейских странах // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 5–42. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. EDN: VFIYXP
Safronov V.V. Corruption and class inequalities in electoral participation in European countries. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 5–42. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.1>. EDN: VFIYXP (In Russ.)
2. Сафронов В.В. Участие в выборах Государственной Думы: социальные неравенства, мотивации и мобилизация // *Власть и элиты*. 2023b. Т. 10. № 2. С. 121–169. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. EDN: ANXPUL
Safronov V. Participation in the State Duma elections: Social inequalities, motivations and mobilization. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 121–169. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.6>. EDN: ANXPUL (In Russ.)

3. Banducci S.A., Karp J.A. Electoral systems, efficacy, and voter turnout. *The Comparative Study of Electoral Systems*. Ed. by H.-D. Klingemann. New York: Oxford University Press, 2009. P. 109–134.
4. Birch S. Elections and voters. *Developments in Central and East European Politics* 5. Ed. by S. White, P.G. Lewis, J. Batt. Durham: Duke University Press, 2013. P. 156–170.
5. Blais A. *To Vote or not to vote? The merits and limits of rational choice*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2000. 208 p.
6. Blais A. Turnout in elections. *The Oxford handbook of political behavior*. Ed. by R.J. Dalton, H.D. Klingemann. New York: Oxford University Press. 2007. P. 621–635. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199270125.003.0033>
7. Blais A., Daoust J.-F. *The Motivation to vote: Explaining electoral participation*. Vancouver: UBC Press, 2020. 156 p. <https://doi.org/10.1080/00344893.2020.1837213>
8. Blais A., Dassonneville R., Kostelka F. Political equality and turnout. *The Oxford handbook of political representation in liberal democracies*. Ed. by R. Rohrschneider, J. Thomassen. New York: Oxford University Press. 2020. P. 396–412. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198825081.013.20>
9. Cancela J., Geys B. Explaining voter turnout: A meta-analysis of national and subnational elections. *Electoral Studies*. 2016. Vol. 42. P. 264–275. DOI: 10.1016/j.electstud.2016.03.005.
10. Colton T.J. *Transitional citizens: Voters and what influences them in the new Russia*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000. 336 p.
11. Cruz J.N. A Fuzzy-set qualitative comparative analysis of how corruption, education, inequality and trust in parliament affect voter-turnout. *Crime, Law and Social Change*. 2023. Vol. 80. No. 5. P. 1–21. <https://doi.org/10.1007/s10611-023-10102-0>
12. Dalton R.J. *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*. New York: Oxford University Press, 2017. 280 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198733607.001.0001>
13. DeBell M., Krosnick J.A., Gera K., Yeager D.S., McDonald M.P. The turnout gap in surveys: explanations and solutions. *Sociological Methods & Research*. 2020. Vol. 49. No. 4. P. 1133–1162. <https://doi.org/10.1177/0049124118769085>
14. Gallego A. *Unequal political participation worldwide*. New York: Cambridge University Press, 2015. 252 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139151726>
15. Hadjar A., Beck M. Who does not participate in elections in Europe and why is this? A multilevel analysis of social mechanisms behind non-voting. *European Societies*. 2010. Vol. 12. No. 4. P. 521–542. <https://doi.org/10.1080/14616696.2010.483007>

16. Jackson R.A. Clarifying the relationship between education and turnout. *American Politics Research*. 1995. Vol. 23. No. 3. P. 279–299. <https://doi.org/10.1177/1532673X9502300302>
17. Kittilson M.C., Anderson C.J. Electoral supply and voter turnout. *Citizens, context, and choice: How context shapes citizens' electoral choices*. Ed. by R.J. Dalton, C.J. Anderson. New York: Oxford University Press. 2011. P. 33–54.
18. Kostelka F. The state of political participation in post-communist democracies: Low but surprisingly little biased citizen engagement. *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 6. P. 945–968. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905386>
19. Laakso M., Taagepera R. “Effective” number of parties: A measure with application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. Vol. 12. No. 1. P. 3–27. <https://doi.org/10.1177/001041407901200101>
20. Lahtinen H., Martikainen P., Mattila M., Wass H., Rapeli L. Do surveys overestimate or underestimate socioeconomic differences in voter turnout? Evidence from administrative registers. *Public Opinion Quarterly*. 2019. Vol. 83. No. 2. P. 363–385. <https://doi.org/10.1093/poq/nfz022>
21. Leighley J.E., Nagler J. *Who votes now? Demographics, issues, inequality, and turnout in the United States*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013. 232 p.
22. McAllister I., White S. Demobilizing voters: Election turnout in the 2016 Russian election. *Russian Politics*. 2017. Vol. 2. No. 4. P. 411–433. <https://doi.org/10.1163/2451-8921-00204002>
23. Persson M. Review Article: Education and Political Participation. *British Journal of Political Science*. 2013. Vol. 45. No. 3. P. 689–703. <https://doi.org/10.1017/S0007123413000409>
24. Plutzer E. Demographics and the social bases of voter turnout. *The Routledge handbook of elections, voting behavior and public opinion*. Ed. by J. Fisher, E. Fieldhouse, M.N. Franklin, R. Gibson, M. Cantijoch, C. Wlezien. London and New York: Routledge, 2018. P. 69–82.
25. Raudenbush S.W., Bryk A.S. *Hierarchical linear models: Applications and data analysis methods*. Second Edition. Thousand Oaks, CA: Sage. 2002. 512 p.
26. Schlozman K.L., Brady H.E., Verba S. *Unequal and unrepresented: Political inequality and the people's voice in the new gilded age*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2018. 352 p.
27. Selb P., Munzert S. Voter overrepresentation, vote misreporting, and turnout bias in postelection surveys. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 1. P. 186–196. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.11.004>

28. Smets K., van Ham C. The embarrassment of riches? A meta-analysis of individual-level research on voter turnout. *Electoral Studies*. 2013. Vol. 32. No. 2. P. 344–359. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2012.12.006>
29. Solt F. Economic inequality and democratic political engagement. *American Journal of Political Science*. 2008. Vol. 52. No. 1. P. 48–60. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2007.00298.x>.
30. Stockemer D. What affects voter turnout? A review article/meta-analysis of aggregate research. *Government and Opposition*. 2017. Vol. 52. No. 4. P. 698–722. <https://doi.org/10.1017/gov.2016.30>.
31. Verba S., Schlozman K.L., Brady H.E. *Voice and equality: Civic voluntarism in American democracy*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1995. 664 p.
32. Wass H., Blais A. Turnout. *The SAGE handbook of electoral behaviour*. Vol. 1. Ed. by K. Arzheimer, J. Evans, M.S. Lewis-Beck. London: Sage. 2017. P. 459–487.
33. Willeck C., Mendelberg T. Education and political participation. *Annual Review of Political Science*. 2022. Vol. 25. P. 89–110. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120-014235>
34. Wolfinger R., Rosenstone S. *Who votes?* New Haven: Yale University Press, 1980. 160 p.
35. *World Social Protection Report 2017–19: Universal social protection to achieve the Sustainable Development Goals*. Geneva: ILO, International Labour Office, 2017. 432 p.